

ОСТРОВСКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ Н. Я. СОЛОВЬЕВА И К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Обзор Е. Н. Дунаевой

В 1962 г. в Государственный литературный музей в составе архива К. Н. Леонтьева поступила переписка Н. Я. Соловьева и Леонтьева за 1875—1887 гг. Она содержит 49 писем Соловьева¹ и 19 писем Леонтьева², кроме того, 27 писем Леонтьева³ представлено в копиях (часть из них — 13 писем — имеется также в копиях в ЦГАЛИ⁴).

Публикуемые материалы существенно дополняют напечатанные еще в 1928 г. письма Соловьева и Островского⁵, остающиеся до нашего времени важнейшим и основным источником сведений о взаимоотношениях знаменитого драматурга и его молодого соавтора.

Начало переписки Соловьева и Леонтьева относится к 1875 г., когда Леонтьев покинул Николо-Угрешский монастырь под Москвой, а Соловьев еще оставался там в роли послушника.

В поисках пути для вызволения Соловьева из монастыря и успешного развития его литературной деятельности Леонтьев обратился за помощью к Островскому, с которым, как он пишет Соловьеву 15 января 1876 г., случайно встретился у А. Ф. Писемского.

Островский, познакомившись с рукописями двух пьес Соловьева и высоко оценив их, оказал начинающему автору действительную помощь. Уже в марте 1876 г. Соловьеву была выдана ссуда от Общества русских драматических писателей⁶. Тогда же Островский пригласил Соловьева к себе на лето в Щельково.

Для понимания сложившихся позднее отношений существенное значение имеет письмо Леонтьева 9 апреля 1876 г. — напутствие Соловьеву перед его отъездом к Островскому. Леонтьев подчеркивает практические выгоды сближения Соловьева с Островским: «обеспеченность на все лето», «протекция авторитета». Он определяет также ту пользу, которую ожидает от помощи Островского для творчества Соловьева: «...он поможет вам усовершенствовать форму ваших произведений, улучшит сценические приемы ваши, отучит употреблять такие семинарские выражения, как дуэтировать, планировать (их никогда не употребляют светские люди) и т. п.»

Но п. и этом Леонтьев заранее предостерегает Соловьева от идейного влияния Островского, с нескрываемой злобой говоря о демократическом и реалистическом направлении великого драматурга:

«В Островском в самом есть нечто, что слишком, к несчастью, сродно вашему прежнему направлению, — вашей демократической гордости, вашей теории права на желчь и т. п. Он все-таки, несмотря на весь поэтический дар свой, несколько нигилист. Он ненавидит монашество, не понимает вовсе прелести и поэзии православия, не любит, видимо, с другой стороны, изящного барства; одним словом, — сам он и лично и как художник очень цветен, но по строю мыслей, по философским, так сказать, и политическим сочувствиям он принадлежит, видимо, к тому выдохшемуся либеральному направлению, на которое вы сами нападали у меня в номере так справедливо и зло».

Так Леонтьевым была намечена программа дальнейших отношений: враждебность к идейному направлению творчества Островского и использование его мастерства и авторитета. Он заранее разграничивал «сферы влияния»: «вы и идеально и практически больше выиграете, если подчинитесь влиянию Островского со стороны формы, а меня будете помнить, хотя немного, со стороны духа и направления».

М. Т. ИВАНОВ-КОЗЕЛЬСКИЙ В РОЛИ АНДРЕЯ БЕЛУГИНА («ЖЕНИТЬБА БЕЛУГИНА»)

Первое исполнение роли—Александринский театр, 1880 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

Как видно из этого письма Леонтьева, идейная позиция Соловьева была очень шаткой, то он испытывает «демократическую гордость» и отстаивает «право на желчь», т. е. на критическое освещение отрицательных сторон действительности; то вместе с Леонтьевым ополчается на либеральное направление. Соловьев отвечал 12 мая 1876 г.:

«Ваше последнее письмо, Константин Николаевич, ко мне в больницу я принял как выражение истинной дружбы <...> Верьте, что я поддамся только такому влиянию, которому сердечно и умственно сочувствую, не взирая ни на какой авторитет». В том же письме он сообщал Леонтьеву о встрече с Островским в Москве: «... он был чрезвычайно приветлив и повторил свои обещания». Письмо было написано в день отъезда Соловьева в Щельково.

Он намеревался написать Леонтьеву «по приезде на место, оглядевшись». Однако следующее письмо Леонтьеву Соловьев написал только через четыре месяца, когда вторично приехал в Щельково. (Судя по письму Соловьева к Островскому 9 июля 1876 г.⁷,

он в июне уехал из Щелыкова вследствие болезни матери.) Письмо Леонтьеву 7 сентября показывает, в каком душевном смятении находился в это время Соловьев и в каком болезненном состоянии вернулся он в Щелыково:

«Из Калуги в Москву я поехал в начале августа и здесь подхватило меня какое-то проклятие, я едва-едва не разбился вдребезги, какая-то злая сила овладела мною, — я был болен скверно, тяжело, просто пароксизм помешательства».

Далее Соловьев рассказывает о своей работе над пьесой «Кто ожидал» («Женитьба Белугина»):

«Из Москвы я уехал со страшным мраком на душе, явился сюда, Островский ждал меня, ждала и нежданная мною работа, ломка опять почти всей моей пьесы по его плану! (Нечего вам говорить, каково это было мне, я черт знает уж на что был готов... просто бросить проклятую эту литературу, — хандра, борьба, думы всякие доводили до отчаяния, я не знал, что я сотворю завтра, послезавтра, — ну, можно ли было писать и что писать вам в такой ерунде). Но, наконец, стиснувши зубы, вспомнивши, что у меня теперь, что весь я в каком-то «быть или не быть», я засел и только в настоящую минуту, поставивши снова дело на ноги, я овладел собою, мне лучше и я могу писать вам!.. Пьеса теперь почти готова и получила она только другое освещение, а душа ее та же».

Письмо это относится ко времени работы над второй редакцией «Женитьбы Белугина» (дата в рукописи 13 сентября 1876 г.). По этому письму можно представить, какое огромное внутреннее сопротивление Соловьева должен был преодолевать Островский в работе над пьесой, какую должен был он оказывать моральную поддержку молодому драматургу, предъявляя к нему высокие требования художественного мастерства.

В этом письме Соловьев вполне объективно оценивает помощь Островского и его неизменную доброжелательность, так же объективно он судит и о собственном поведении:

«Островский все-таки великий знаток, с одной стороны, сцены, а, с другой — уж как хорошо знает всю цензуру-магушку! — вообще я ему много, много обязан; а бесился я потому, что чувствовал некоторое время отсутствие почвы под собой, бессилие для новой работы над вещью, которая представлялась мне уже готовой совсем, вещью, с которой я так давно и много возился. «Труден, очень труден первый дебют, начало с серьезной вещи, но зато хорошо, я это сам испытал», — говорил Островский мне. Заявленные до сих пор на предстоящий сезон пьесы ничтожны все пока, как он мне сообщил, также ничего еще не представлено порядочного на премию; а в октябре она ведь должна быть кому-нибудь, чему-нибудь уже присуждена».

В октябре Островский поедет в Петербург и проведет сам мою вещь по мытарствам, — вообще, заметно, он и сам интересуется — «Небеспокойтесь, беспокойтеесь, — твердит он мне, — все будет прекрасно». Остается ждать и пока глотать всяческую кислоту. Да-с, а тяжеловато для меня — уж как это настоящее пока. За все лето только я и могу вспомнить несколько тихих хороших дней в Кудинове у вас, да несколько минут с матерью».

Насколько «тяжеловато» было для Соловьева пребывание в Щелыкове, можно судить по тому, что через полгода — 12 апреля 1877 г. — он писал Леонтьеву о своем опасении нового приглашения Островского в деревню:

«... нет, уж более я не найду в себе силы для этих «влиний», давлений и насилований». Леонтьев после крупной размолвки с Соловьевым объяснял состояние, в котором тот был в Щелыкове, так: «Верно и у Островского вам было оттого скучно, что там вы опасались дать себе волю, чтобы не уронить себя и не испортить дела ваши с человеком «житийски-могущественным». Вам было нестерпимо так долго не пьянствовать, не шуметь, не язвить, не грубить...» (письмо 6 сентября 1877 г.). Написанные в минуту запальчивости слова эти, видимо, отражали частично положение дел.

Если в письме 7 сентября 1876 г. лишь глухо говорится о тяжести, которую испытывает Соловьев, а общий тон письма остается уважительным по отношению к Островскому, то в 1877 г. положение меняется. В письмах Соловьева все чаще и чаще звучат недоброжелательные ноты по адресу Островского. Соловьев видит в Островском «ге-

нерала», их отношения представляются ему «игрой кошки с мышью». Для Соловьева судьба его пьес была слишком связана с надеждами исправить свое материальное положение; после того, как пьеса «Конец — делу венец» («Женитьба Белугина») не получила премии ОРДП, хотя и была признана лучшей, он винит Островского в том, что тот «загнал» пьесу на «окаянную премию».

Нет нужды говорить, что Леонтьев поддерживал в Соловьеве недоброжелательное отношение к Островскому, упрекая Соловьева в том, что в его произведениях «слишком еще сильно влияние Островского и Гоголя». Для Соловьева — это время наибольшей враждебности к Островскому и наибольшей близости к Леонтьеву. Последний для Соловьева «великая нравственная сила», которую «не заменят никакие Островские с их житейским могуществом» (письмо 4 сентября 1877 г.).

Постановка «Женитьбы Белугина» в Москве (26 декабря 1877 г.) и в Петербурге (11 января 1878 г.) имела огромный успех, она принесла Соловьеву шумную известность.

Леонтьев, находившийся в это время в Петербурге, уведомлял Соловьева о всех толках, ходивших там о нем и об его пьесе; он использовал успех «Белугина» для того, чтобы противопоставить Соловьева Островскому: «Вот уже вас о сю пору ставят выше Островского». «Из статей вы видите, что способность к сценическому движению у вас признана большей, чем у Островского». Леонтьев претендует также и на свою долю участия в лаврах: «Не хвляясь и не желая ничуть, конечно, посягнуть на самобытность вашу, я убежден (да и вы это понимаете), что успех «Белугина» зависит преимущественно от того веселого и примиряющего и естественного характера, который вы внесли по моему совету» (письма 30 января и 18 февраля 1878 г.).

Как видно из тех же писем, Леонтьев не ограничился письменными советами Соловьеву: «Все почти здесь говорят, что вы после Белугина в помощи Островского уже не нуждаетесь и сможете действовать здесь уже сами»; «Все в Петербурге кричат, что вы должны от него освободиться, а Филиппов особенно». Так не без содействия Леонтьева отношения Островского и Соловьева стали предметом обсуждения, а подчас, видимо, и сплетен в петербургских литературных и театральных кругах.

Враждебное отношение Соловьева к Островскому достигает апогея в начале 1878 г.

Письма Соловьева к Леонтьеву 26 января, 24 февраля, 14 марта 1878 г. полны грубых, злобных выпадов против Островского, но раз в них говорится о предстоящих денежных расчетах с Островским, которого Соловьев подозревает в корысти («какой только декеж будет у меня с его превосходительством: давно не пишет»), хотя еще 19 июля 1877 г. Островский изложил Соловьеву условия разделения гонорара, весьма выгодные для последнего (XV, 90—91). Леонтьев же прямо обвинял Островского в том, что он с Соловьева «берет деньги».

Враждебность к Островскому сказалась также в намерениях Соловьева относительно новой пьесы, над которой он начал работать еще в мае 1877 г. В конце 1877 г. Соловьев виделся с Островским в Москве, показывал ему пьесу, они совместно разрабатывали новый «сценарий». Советы Островского были приняты Соловьевым вполне.

Но уже 26 января 1878 г. он пишет Леонтьеву: «Я не буду писать «Без искупления» по рецепту Островского». В этом же письме он отвергает предложенное Островским название новой пьесы, и, приводя строки из письма Островского, дает к ним свои комментарии: «Думайте больше теперь о «Дикарке» (все-таки величает, как ему хочется — смех!) и сообщайте мне, что вы придумаете; я сам о ней постоянно думаю; мысль богатая!» Ну, скажите пожалуйста, как хватает! Да, нужно будет поучиться дипломатии». Соловьев держал Леонтьева в курсе своей переписки с Островским, полностью копируя письма обеих сторон и сопровождая их комментариями; если Соловьев был искренен в своих письмах к Леонтьеву, то приходится признать, что его постоянные изъяснения благодарности Островскому были всего лишь «подведением дипломатии», как он выражался. В письме Соловьева 24 февраля 1878 г. мы читаем: «Физиономия Островского все более дорисовывается передо мной, — хороший человек! Я уверен, что если бы он испил ту чашу и перенес то, что я в мои годы, то от него и мокроты не осталось, а «пить», так можно было мертвецки запить от одной проволоочки и терзания, которые только он со мной проделал! (<...>). А я со своей стороны скажу, что мне

противно и через порог-то его бывает переступить <...> Я ему так отвечал на его «думы о «Дикарке»: «Кажется, новых лиц я не введу, а только разовью более характер Рязанцева и интригу Ахметьева с Варей, конец же мне неотразимо мерещится вполне драматический, т. е. смерть Марии Петровны». Переводя понятной: не тратьте ваши «дорогие думы», я ничего не сделаю как вам угодно». Вслед за этим Соловьев выражает тревогу относительно действий своего старшего друга: «Не рано ли и не много ли, Константин Николаевич, вы говорите вслух о «Без искупления» — не поднялся бы преждевременный и вредный гвалт!»

Леонтьев всячески старался утвердить Соловьева в его позиции, ссылаясь на «общественное мнение»: «Все, кому я рассказывал о драме «Без искупления», например, в один голос говорят: «Это прелесть, прелесть! Слушайте, слушайте, что говорит Константин Николаевич о новой пьесе Соловьева. Не давать, не давать ее Островскому» (18 февраля 1878 г.).

Соловьев в письме к Островскому 2—4 марта сообщает о невозможности для него написать пьесу по новому «сценариуму»⁸. 14 марта он делится с Леонтьевым своими замыслами: «Думаю много над «Без искупления»: будет введен-таки русский парень для потехи с Варькой. Рязанцев явится мельком во 2-м действии по дороге в Сербию, а потом в 4-м и 5-м, как вы его видели, только это будет веселый удалой характер, а не хандра». 28 марта 1878 г. Леонтьев подробно касается сюжета и характеров пьесы Соловьева, делится своими соображениями, дает советы. 4 апреля Соловьев успокаивает Леонтьева: «Будьте покойны за «Без искупления»».

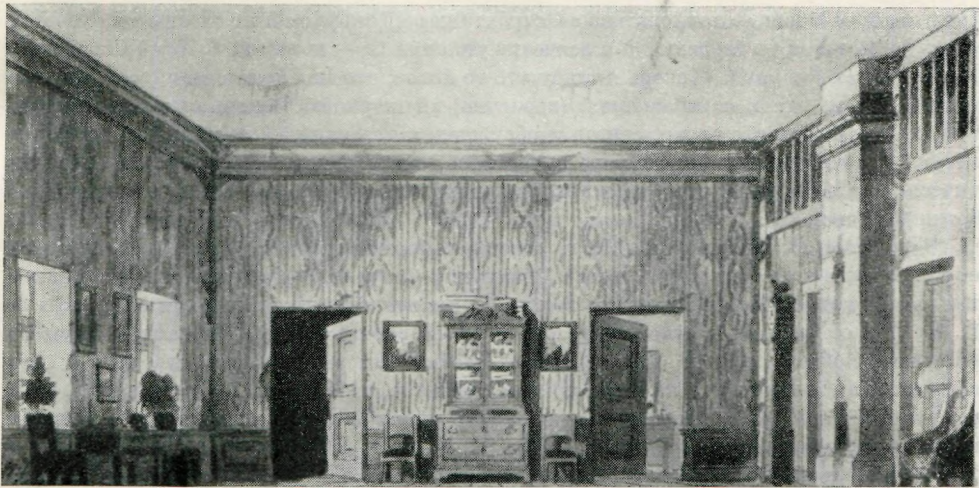
И однако, несмотря на столь откровенно выраженную неприязнь к Островскому и нежелание пользоваться его помощью, Соловьев 10 июля 1878 г. извещает Островского, что переделал пьесу по его советам, интересуется, когда Островский будет более свободен; в ответ следует приглашение приехать в Щельково (XV, 119), которое Соловьев принимает⁹.

Такой поворот в намерениях и поведении Соловьева мог быть вызван только невозможностью для него самостоятельно без посторонней помощи сладить с задуманной пьесой, сознанием правомерности рекомендаций Островского.

Леонтьев с раздражением писал Соловьеву 26 августа 1878 г. о новой редакции его пьесы: «...вы все переделали вопреки моему вкусу и по вкусу Островского». Пьеса представляется ему испорченной, и он признает, что уже не может влиять на нее.

Встреча с Островским не принесла Соловьеву удовлетворения; познакомившись в Щелькове с рукописью Соловьева, Островский назвал ее только зародышем пьесы, материалом, над которым еще надо работать (XV, 121). Следующее свидание с Островским в Москве 2 октября 1878 г. вызывает новый грубый выпад Соловьева: «... через неделю он будет в Петербурге и опять повторит операцию надо мной — сосание крови и мозга!» Видимо, и на этот раз, как с «Женитьбой Белугина», Соловьев считал свою пьесу вполне готовой. Но мнение петербургских литераторов, с которыми вскоре встретился Соловьев, полностью совпало с мнением Островского. 15 октября Соловьев сообщает Леонтьеву о встрече с Т. И. Филипповым и о новых планах относительно «Дикарки»:

«Дикарка», по его мнению, представляет в настоящем виде только программу хорошей, оригинальной пьесы и над ней еще нужно работать; сотрудничество чье-либо в таких вещах он не допускает — «это не водевиль и не перевод». Я ему первому сообщил мою мысль: оставить «Дикарку» до следующего года и сим деликатно устранить Островского, он меня энергично поддерживает в этом и заявляет готовность стать даже открыто за меня перед Островским и в союзе с его братом; у брата Островского я был несколько раз, по приглашению даже обедали у него: я, Филиппов, он и Горбунов, все воедино советуют мне не спешить второй пьесой, с которой я могу или взять крепость или проиграть многое; а материально, говорят, вас поддержит еще этот год «Белугин» — он идет на удивление: я смотрел его в четверг в Маринском 51-й раз; билет можно добыть только накануне, театр набит, — Савина мимически была прелестью, Сазонов ниже Садовского, но очень горяч и искретен местами; публика смотрит и толкует об этой вещи, как о чем-то свежем. Актеры желают меня видеть, и волей неволей в четверг на этой неделе я отправлюсь на сцену.

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ IV ДЕЙСТВИЯ К ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ «ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ»

Акварель П. А. Исакова

Малый театр, 1873 г.

Центральный театральный музей, Москва

Брат Островского просто удивил меня; он меня встретил, простирая обе руки; о «Дикарке» сказал, что это — прелестная вещь и комкать ее не следует, вообще сей ничего общего не имеет с своим братцем-драматургом, — в деревне он был как-то смущен и сух, но здесь искренно любезен, даже уж чересчур; преподнес мне, например: «мне, кроме вашего писания, нравиться и вы сами — вы такой простой, а это в наше время редкость». Да, думаю, друг любезный, посмотрел бы ты на нас во всей красоте! Ничего! <...> Веду себя нормально, здоров и бодр, а по приезде сюда в этом месяце драматурга Островского прямо встречу его мыслью вышеизреченной. Вы одобряете?»

Через две недели (1 ноября) он вновь возвращается к этой теме: «С Островским пока письменно полемизируем о «Дикарке», он придет сюда в половине этого месяца и тогда будет решено: быть или не быть ей в этом году». А в письме 26 ноября подробно рассказывает о пребывании Островского в Петербурге:

«Вчера уехал отсюда Островский, пробывший здесь недели две, — его «Бесприданница» очень слабая вещь, тяжело было смотреть на эту «перешивку» из чего-то старого; со мной был любезен, смотрел он «Белугина» и «Счастливый день» здесь; остался доволен, не без критики на игру; я читал ему и Нильскому вместе мою «Учительницу», сцены в 3 действиях, теперь оконченную, но не получившую еще названия; под которым появится. «Первый шаг» мне советуют заменить чем-нибудь; сцены найдены вообще очень удачными и наполненными юмора; предполагается, что пойдут одновременно в конце января в Петербурге и в Москве; все хлопоты по цензуре и постановке здесь берет на себя Нильский, так что сотрудичества Островского здесь никакого <...> «Дикарку» решено оставить до будущего года; но он <Островский> крепко вцепился в нее <...> нужно время и время для всего <...> просил меня даже ничего и не думать о ней до лета, когда он меня опять затащит в свою юдоль, — помоги бог мне избавиться, а между тем о «Дикарке» уже строчат в журналах разные сплетни и откуда почерпают!»

Нежелание ехать к Островскому в деревню было повторено Соловьевым в письмах 20 января и 26 февраля 1879 г., в основе своей это нежелание вообще трудиться над «Дикаркой», отделывать, совершенствовать пьесу, придать ей законченный вид. Соловьевым уже владеет новый замысел: «Теперь пока думаю не медля встать за что-нибудь новое: когда я пишу, то необыкновенная благодать нисходит на меня: как-то легко, хорошо, бодро живется!» — пишет он 20 января 1879 г. и добавляет: «В феврале, может

быть, поеду в Москву столкнуться с Островским о «Дикарке». Мне страшно не хочется ехать летом к нему в деревню, и я всячески уклоняюсь — где и как буду — бог весть!» И о том же 26 февраля: «Теперь я пишу что-то новое, что мне хочется выпустить в следующий сезон рядом с искаженной (вероятно) «Дикаркой». В конце Святой я поеду в Москву к Островскому для счетов и обсуждения дел нашей с ним «компании». Они меня приглашают; по крайней мере, избавлюсь от поездки к нему в деревню...» Фактически Соловьев работу над «Дикаркой» прекратил и вскоре передал пьесу для доработки Островскому.

Тон писем к Леонтьеву в 1879 г. заметно меняется, исчезает нарочитая грубость по отношению к Островскому. Когда Леонтьев в феврале сообщил Соловьеву о своем намерении написать для «Русского вестника» статью «Новый драматический писатель Н. Я. С(оловьев)», то в ответ последовала 15 февраля 1879 г. неожиданная просьба: «Не смею, конечно, ничего сказать против вашего намерения написать статью о «нас грешных», но только все-таки выскажу свое желание, чтобы в ней об Островском, если это уж неизбежно, и его упомянуть, как можно «полегче», и так он наглотался пилюль в сем году».

В этих словах ясно сквозит опасение Соловьева, как бы статья Леонтьева не повредила его отношениям с Островским.

Дружба Соловьева и Леонтьева, несмотря на приподнятость тона в ее выражении, на деле не была прочной и уже не раз между ними обнаруживались разногласия. Их встречи обычно кончались взрывом, ссорой.

Летом 1877 г. поведение Соловьева, гостившего в калужском имении Леонтьева Кудинове, стало причиной суровой отповеди его старшего друга. В августе 1878 г. Соловьев внезапно уехал из Кудинова в обиду на хозяина, не прервавшего ради его приезда своих литературных занятий. Письма, написанные Леонтьевым зимой 1878/79 г., полны наставлений по поводу дурных манер и упреков в коварстве и непонимании. Новый приезд Соловьева в Кудиново в июле 1879 г. закончился неожиданно: Леонтьев побил его палкой и с помощью мужиков «официозно» выгнал из Кудинова¹⁰.

В переписке Соловьева и Леонтьева на несколько лет наступил перерыв. 7 апреля 1881 г. Соловьев послал Леонтьеву свою книгу и письменно просил примирения: «Вместе с сим я посылаю вам собрание моих в сотрудничестве с Островским пьес; получение этой книги вами, понятно, не обязывает вас отвечать: вы получаете как будто от неизвестного. Но не могу вам не сказать, что с момента нашей разлуки и по сию пору я глубоко страдаю духом и ни одной минуты не нахожу успокоения, меня грызет; давит; я прошу вас, хотя безмолвно, но искренно примириться со мной: я большой душевно человек и бывают у меня моменты чисто безумные, грустно сознавать это, но это так! Еще креплюсь, движусь на сей житейской ярмарке, фигурирую как-то, но боже — какой жалкой комедией она подчас представляется тебе и ты какой плачевный актер».

Дальнейшая переписка носит уже чисто деловой характер и касается главным образом поручений Леонтьева Соловьеву в Петербурге. Имя Островского появляется лишь раз, 2 января 1883 г. Леонтьев писал Соловьеву о своем разговоре с ним:

«Недавно Островский приезжал в Комитет по какому-то делу; был со мной любезен, даже до какой-то почтительности; говорил он об вас с большим участием, но сделал то же самое замечание, что у вас подробности недостаточно ярки. Вы не должны, конечно, огорчаться этим, хоть вы не так уж молоды, но здоровы телом и духом; и это от вас не уйдет, если вы не будете пренебрегать голосом опытной дружбы».

Заканчивая обзор писем Соловьева и Леонтьева, можно сказать, что переписка эта многое меняет в остающейся традиционной схеме отношений Соловьева и Островского — прежде всего ясно, что статья Леонтьева «Новый драматический писатель» не могла иметь решающего значения в прекращении сотрудничества двух драматургов; задуманная в начале 1879 г., она появилась в декабрьской книжке «Русского вестника» в то время, когда между Леонтьевым и Соловьевым произошел полный разрыв. Статья эта больно бьет прежде всего по самому Соловьеву, в ней нет уже тех неумеренных похвал, которые посылал Леонтьев Соловьеву по поводу успеха «Женитьбы Белугина».

Сопротивление Соловьёва изменениям, вносимым Островским, было особенно активным в период работы над «Дикаркой», что отразилось равно как в его письмах Островскому, так и к Леонтьеву; воздействие Леонтьева на Соловьёва было сильно лишь до момента, когда Соловьёв переделал «Дикарку» по указаниям Островского.

В декабре 1879 г. после сценического успеха «Дикарки» Соловьёв принимается за новую пьесу и предполагает приехать в Москву к Островскому, когда будет подготовлено что-нибудь новое¹¹. Летом 1880 г. он отдал свою новую пьесу на доработку Островскому. В работе над пьесой «Светит да не греет» Соловьёв обратился за помощью к Островскому без внутренних колебаний; с Леонтьевым он в это время личных контактов не имел.

Видимо, нужно заново пересмотреть вопрос о причинах прекращения сотрудничества Островского и Соловьёва¹².

Переписка Соловьёва и Леонтьева помогает более отчетливо, более определенно представить роль Островского в его отношениях с Соловьёвым. Большую глубину и верность действительности приобретает та психологическая характеристика, которую Островский дал Соловьёву в письме к неизвестному (А. С. Суворину? — XV, 144—145), говоря о незаурядном таланте писателя, не поддержанном систематическим трудом. Мы можем лучше оценить душевную силу и щедрость Островского и его преданность театру, благодаря которым он смог преодолеть враждебное противодействие автора, пересуды, кривотолки, а подчас и прямую клевету кружка недоброжелателей, и дать русскому театру еще три новые превосходные пьесы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ГЛМ, О. ф. 5042/1—49.

² Там же, 4879/1—21.

³ Там же, Н. В. 1518/1—3.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 290 (Леонтьева), оп. 1, ед. хр. 41.

⁵ «Литературный сборник № 1». Кострома, 1928, стр. 31—107 («Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XLII).

⁶ Письмо К. Н. Леонтьева 21 марта 1876 г.

⁷ «Литературный сборник», стр. 31.

⁸ Там же, стр. 42.

⁹ Там же, стр. 45.

¹⁰ Письмо К. Н. Леонтьева к В. В. Леонтьеву 7 августа 1879 г. — ГЛМ, О. ф., 4877/3.

¹¹ «Литературный сборник», стр. 71.

¹² Д. Малинин во вступительной статье к переписке Островского и Соловьёва говорит о статье Леонтьева как об одной из возможных причин разрыва сотрудничества. В разделе «Адресаты Островского» сказано о Н. Я. Соловьёве так: «Под влиянием публициста-реакционера К. Леонтьева Соловьёв решил работать самостоятельно» (XV, 299).